

К решетчатым металлическим воротам городского кладбища подъехал черный внедорожник. Из него легко выпрыгнули два крепких длинноволосых парня с усами, в черных костюмах. Одинакового роста. С невзрачными незапоминающимися лицами. Развалисто направились к сторожке.

Из бесцветных обветшалых дверей навстречу враскачку вышли двое подвыпивших кладбищенских рабочих в грязных робах, с лопатами в руках. Один маленького роста и круглый, как пузырь. Второй длинный и гнутый, как крючок.

Парень в черном костюме, что шел впереди, остановил:

— Могильщики? Кто из вас Пузырь?

— Ну? — Лопата в руках круглого маленького скользнула по земле. — Чего нужно?

— Не нукай, не запряг! — осек парень. — Мне тебя рекомендовали. Ты по-быстрому могилу копнуть можешь, Пузырь?

— Не вопрос, — буркнул тот и потер грязными ладонями о спецовку.

— И жмурика по-тихому зарыть?

— Не вопрос, — повторил Пузырь.

— Тогда авансирую. Чтоб к вечеру яма была! — Парень достал из кармана купюру и брезгливо сунул в грязную ладонь Пузырю.

Тот схватил деньги, торопливо смял в дрожащем кулаке, дернул носом:

— За такие бабки через два часа сварганим!

— Подведешь, самого закопаю! Я Вова Сыч! Слыхал? — Узкие губы выгнулись дугой.

— По мне, кто бабками сорит, тот и Сыч, — довольно ухмыльнулся Пузырь и добавил: — Не сомневайся, все будет шито-крыто.

— Вечером притащим жмурика, закидаешь как положено — получишь еще! — пообещал заказчик и отвернулся.

К вечеру в городе задождило. Сначала чуть-чуть, потом дождь разошелся и хлынул как из ведра. Порывы бокового ветра хлестали плотными струями по горожанам, обдавая с ног до головы тех, у кого не было зонтов. Но и под зонтами людям не удавалось остаться сухими. Сильный ветер вырывал зонты из рук и швырял воду прямо в лица.

Принято считать, что седина в бороде, бес в ребро. Ни прибавить, ни убавить.

Кир Былеев, собственно, еще не дождался до седины, но был уже не первой молодости, когда полгода назад тот самый бес довел его до свадьбы с молодой яркой красоткой Тamarой. Полгода пролетели для него как сказочная феерия. Фантастика. Каждый день он не чувствовал ног под собой от ощущения счастья. Это полугодовое счастье решил отпраздновать на широкую ногу. Сделал заказ в ресторане. Пригласил гостей.

Сейчас сидел с женой за большим столом, покрытым белой скатертью, и пьяненько удовлетворенно хмыкал, видя через окно, как на улице бушевал ливень. Радовался, что веселье началось до дождя. Был он среднего роста, с худощавым лицом, рельефными губами, чуть широковатым носом, серыми глазами с восхищенным выражением в них. Темные волосы зачесаны набок. Пиджак в полоску снят с плеч и повешен на спинку стула.

Весь ресторан выполнен в белоснежных тонах. Светлые стены с дорогой отделкой и теплой приглушенной подсветкой. Просторные белые столы под вышивками кипенных скатертей, белые стулья с гнутыми спинками. Над головой — дорожные хрустальные люстры.

Хоть Былеев был уже навеселе, но соображал нормально и выводил жену на танцы на вполне твердых ногах, крепко держал за талию, как бы показывал гостям, что он еще о-го-го, еще в силах обладать такой красивой молодой женщиной. В общем-то он был крепким и довольно выносливым человеком, сбить такого с ног нелегко. Мало было наливать ему рюмочные дозы коньяка, надо было поставить перед ним трехлитровый графин.

Опрокидывая рюмку за рюмкой, он только сильнее краснел, и все. Лез к жене целоваться и вел на очередной танец.

Она не противилась. Изящная, со стройными длинными ногами и высокой грудью, в коротенькой красной юбке и черном обтягивающем топе. С полуулыбкой кружилась в вальсе, играя в руках мужа упругостью своего ладного тела.

За одним с ними столом сидела с мужем Вика, хорошая знакомая Тамары. Муж Вики старательно подражал Киру: не отставал при наполнении рюмок, говорил тосты. Все они сводились к одному: друзья, будем здоровы! Он был явно слабее Былеева, поскольку у него уже заплетался язык, и Вика незаметно подливала ему в коньяк минеральную воду.

В самый разгар веселья, когда на улице было уже темно, в ресторан вошли двое в черных костюмах: Вова Сыч с напарником. Сзади подошли к Былееву, Кир в этот момент танцевал с женой под очередную мелодию, взяли под локти.

Былеев не понял, что все это значит, и резко выдернул руки:

— В чем дело?

— Пошли! — коротко выдал Сыч. — Ты отплясал свое!

— Что происходит, парни? — Жена Кира удивленно остановилась, не отрываясь от мужа, попыталась прояснить обстоятельства.

— Затихни, — угрожающе предупредил Сыч, и Тамара увидела в его руке мрачное лезвие ножа. Испуганно отступила и вскрикнула.

Но гремела музыка, и никто из гостей, кроме танцующих рядом, не обратил на них внимание.

— Убирайтесь к чертовой матери! — оттолкнул Сыча Кир.

— Топай на выход! — вытащил ствол Сыч и вдавил в бок Былееву. — И тихо, без бузы! Тявкнешь — шмальну!

— Ах вы, щенки! — Захмелевший Кир стал трезветь. — Да я вас!

Но он не успел договорить и не успел ничего сделать, потому что Сыч рукояткой пистолета оглоушил.

У Кира подкосились ноги, он стал падать. Парни подхватили его под руки и потащили к выходу. Тамара кинулась следом,

вцепилась в напарника Сыча, пытаясь остановить их. Тот обернулся, сморщился:

— Брысь, кукла! — Ударил ее в живот.

Она рухнула на пол. Среди гостей раздался запоздалый гул. Лысый мужичок в синем костюме выскочил вперед, пытаясь преградить дорогу. Но Сыч вскинул пистолет и упер ему в грудь:

— Не кипешишь, дядя! Дернешься — получишь под ребра пулю!

Лысый остолбенел. И все замерли, наблюдая, как Былеева вытащили на улицу, под струи дождя. Тот начал приходить в себя, замотал головой, плохо соображая, что происходит. Ему надели наручники на запястья, затолкнули в багажник внедорожника. Гости схватились за телефоны, чтобы звонить в полицию. Парни спешно бросили мокрые пиджаки на заднее сиденье и прыгнули в авто. Машина помчалась за пределы города.

Промокший под дождем, еще полностью не протрезвевший и до конца не осознавший своего положения, Кир поднялся в багажнике на колени, высунул голову из-за спинки заднего сиденья, посмотрел в салон, тупо спросил:

— Эй, вы кто?

Сыч повернул назад лицо, на которое с мокрых волос стекла вода:

— Тебе теперь все равно.

— Куда везете меня?

— На кладбище.

— Зачем?

— Прикопаем там.

— Вы что, парни, с ума сошли? — Былеев как-то сразу окончательно очухался, глянул вперед через лобовое стекло: в свете фар, кроме дождя, ничего не было видно. — Снимите наручники!

— Снимем. Наручники нам еще пригодятся.

— Это что, шутка? Неудачная, — кипятился Кир, пытаясь сохранить самообладание, хотя на душе заскребли кошки. — Какого черта, в самом деле! Сегодня же не первое апреля! Остановите, говорю, и выпустите, или я всю вашу машину раздолблю!

Но на его выкрики никто не реагировал. Былеев стал бить ногами в заднюю дверь. Парни некоторое время терпели, затем остановили автомобиль, открыли багажник. Кира снова обдало дождем. Две темные фигуры в мокрых рубахах склонились над ним, и не успел он ничего произнести, как сильный кулак ударил в челюсть. Затем удары посыпались с двух сторон.

Кир сначала пытался сопротивляться ногами, но получил удар между ног, взвыл от боли, скорчился и последующие удары воспринимал уже как во сне. Багажник опять захлопнули, и машина тронулась дальше. Парни были злы, оттого что пришлось вымокнуть до трусов. Кир, отойдя от побоев, окончательно уяснил, что попал в серьезную переделку. Опять с трудом поднялся на колени, выставил из-за сиденья окровавленное лицо, глянул вперед. Вокруг темнота, дворники лихорадочно разгоняют струи дождя по лобовому стеклу, фары слабо освещают дорогу. Но все же разглядел по очертаниям построек, что машина выехала за город.

Еще минуту назад где-то в глубине души он все-таки надеялся, что его похитители трепали языками, когда говорили о кладбище, но, определив направление движения авто, увидел, что это не шутки и не сон. Глухо, с надломом выдавил:

— Парни, скажите хотя бы за что?

— А нам без разницы! За твою смерть хорошо заплатили! — отозвался Сыч.

— Кто? Скажите кто?

— Любопытный очень, — прожевал губами сидевший за рулем напарник Сыча. — Заткнулся бы ты лучше.

— Зачем тебе это знать? — вполоборота оглянулся на Былеева Сыч. — На том свете не понадобится!

— Кто? — снова выдавил Кир обреченным голосом.

— Напряги свои мозги, пока живой, — буркнул напарник Сыча. — Догадаешься — дождешься его там, в раю, и придумишь, — парень усмехнулся. — Если, конечно, пофартит и хозяин рая даст добро.

— Вас же все видели в ресторане, — попытался защититься Былеев. — Вас быстро найдут.

Парни в ответ загоготали, точно выпалили: «Ну ты и лох, дядя». Кир, чувствуя во всем теле боль после их кулаков, попросил:

— Скажите, сколько вам заплатили? Я заплачу в пять раз больше!

Машина свернула на проселочную щебнистую дорогу и медленно подъехала к кладбищу. Фары осветили кладбищенский металлический забор, сваренный из прутьев, и памятники сразу за ним. Авто остановилось у ворот, посигналило. Из сторожки, скользя ногами по грязи, матеря погоду, выбрались Пузырь и Крючок. Запахнувшись в робы, втянули головы в плечи, обходя лужу, пошлепали к калитке. Грязь под ногами зачавкала.

Сыч приоткрыл дверь авто, поджидая могильщиков. Те, выйдя за калитку, затоптались на месте.

— Яма готова? — спросил Сыч.

— А как же? Как заказано! — ответил Пузырь, смахивая с лица капли дождя. — Мы уже думали, что жмурика не будет.

— Будет, будет, — хмыкнул Сыч, растягивая узкие губы. — Есть жмурик. Открывай ворота! Показывай, куда рулить?

— Туда не преедешь. Топать надо, — сказал Пузырь и, увидав недовольное лицо заказчика, успокоил: — Ничего, покойничка мы дотащим! Недалеко переть.

— Черт с тобой! — сказал Сыч. — Тащи! — И выпрыгнул из машины.

Его напарник тоже не заставил себя ждать. Ни тот ни другой уже не реагировали на дождь. Изрядно вымокшие перед этим, воспринимали новые порции дождя равнодушно.

— А где ж покойничек? — подал голос Пузырь.

— Вот он! — открыл багажник Сыч и показал на Былеева.

— Так ведь он живой, — ошарашенно попятился Пузырь.

Заказчики загоготали.

— Всякий жмурик сначала бывает живым, — назидательно заметил напарник Сыча. — Сейчас сделаем из него мертвяка!

Сопротивляющегося Кира вытащили из багажника. Он рванулся бежать, но Сыч сбил его с ног и вместе с напарником стал пинать. Некоторое время Былеев пытался подняться на ноги, но его опять повалили наземь и пинками быстро утихомирили. Он лежал в слякоти и глухо стонал. Белая рубаша и брюки превратились в сплошную грязь.

Заказчики также были не чище него.

— Скотина! — сплюнул Сыч, недовольный тем, что пришлось так сильно испачкаться. — По-человечески подохнуть не можешь!

Бросил взгляд на могильщиков.

— Волоки! — сказал Пузырю.

Ошеломленный Пузырь не сразу скумекал, что от него потребовали. Глянул на ошалевшего Крючка. И потом оба машинально подхватили Былеева под руки и поволокли к калитке. Заказчики хлюпали по грязи следом. Дождь принялся лить еще сильнее. Напарник Сыча произнес, ежась:

— Дождь на руку. Никаких следов не останется.

— Может, не надо? Живой человек-то, — в унисон кряхтели Пузырь и Крючок. — Не по-божески как-то! Нельзя. Нет, нет.

— Где живой человек? Это уже труп. — Сыч достал пистолет. — Тащите молча, землекопы, а то вас вместе с ним положу!

Ближе к могиле Былеев стал сам перебирать ногами, и, когда могильщики отпустили его, он уже мог стоять без посторонней помощи. Опять проговорил:

— Парни, даю в десять раз больше. Не убивайте, парни. В десять раз. Подумайте только, в десять раз.

— Может, подумать? — глянул на Сыча его напарник.

— Ты забыл, что сказал Слава? — поморщился Вова Сыч. — Эту работу делаем для самого Леонтия Кровельщика! Нас самих закопают живьем, если сорвем дело! Может, вместо этого лоха хочешь лежать в такой же яме? Я не собираюсь. Хватит того, что нам заплатили! — И прикрикнул на упрашивающего Кира: — Умолкни!

Ткнул стволом в бок, подталкивая ближе к могиле, глухо изрек напарнику:

— Сними наручники с него. Нам они еще понадобятся.

Тот снял с Былеева наручники, пихнул к самому краю могилы и тоже достал ствол, отступив на пару шагов к Сычу.

Когда оба подняли оружие, Кир смекнул, что это конец. Но за секунду до выстрелов, подчиняясь даже не инстинкту самосохранения, а какому-то невероятному неожиданному чутью, повернулся к ним плечом, вскрикнул и, оттолкнувшись ногами от земли, стал падать вниз. Вскрик Былеева захлебнулся в звуке двух выстрелов. Он мешком свалился в могилу.

Заказчики заглянули в нее. В темноте под дождем ничего толком нельзя было разглядеть. Напарник Сыча достал из кармана небольшой фонарик, осветил. Тело Кира было неподвижным. Сомнений не было, промахнуться в двух шагах невозможно, срезали подчистую.

— Готов! — Сыч повернулся к могильщикам: — Вот вам и покойничек! А говорили, жмурика нет! Закидывайте!

Пузырь и Крючок взялись за лопаты, мокрая земля полетела вниз.

Заказчики стояли под дождем, наблюдая до тех пор, пока напарник Сыча снова не осветил фонариком в могилу, где Былеев уже был присыпан землей. Присмотревшись, напарник пробурчал:

— Конец! Чего мокнем? Потопали.

— Чтобы все было как нарисовано! — Сыч вынул из кармана брюк деньги и протянул Пузырю. — Завтра днем проверю!

Могильщик с внутренним смущением и какой-то опаской взял деньги, сунул их в робу, отозвался:

— Запросто.

Заказчики развернулись и, скользя подошвами по грязи, быстро заспешили к машине. Вскоре свет от фар пополз от кладбища в сторону города.

Крючок мрачно воткнул лопату в землю:

— Пошли, выпьем! Что-то душу бередит. К утру закопаем.

Пузырь тоже отставил лопату. Они медленно поплелись к сторожке. Мокрая одежда липла к телам, но они не чувствовали этого. На душе было пакостно.

Сторож в сторожке был пьян в стельку. Лежал на топчане и пускал слюни. На деревянном столе, сбитом из досок, стояли две полные и три недопитые бутылки водки, полупустая посуда с грязными вилками и ложками. Пузырь и Крючок, не сбрасывая с плеч мокрой робы, разлили водку по стаканам, выпили за упокой души убиенного. Потом молча, задумчиво посидели, повздыхали.

Через час дождь поутих, ветер ослаб. Пузырь выглянул в дверь, сказал Крючку:

— Ну что, потопали, закидаем бранные останки?

Крючок кивнул.

Нехотя вышли из сторожки. Доплелись до могилы. Не глядя друг на друга и не заглянув в могилу, снова взялись за лопаты.

Пузырь копнул мокрую землю, но Крючок придержал его, прислушался. Ему почудилось, что он что-то услышал сквозь шум дождя. Постоял, покрутил головой. Привычные кресты и памятники сейчас, под дождем, заставили поежиться. Отчего-то сделалось неуютно. И это было странно. Ведь не впервой роют и закапывают могилы. Однако этот жмурик как-то выбил из давно накатанной колеи. Вот так, чтобы покойничка привезли живым, — такого еще не бывало. Показалось, что весь мир состоит из одних покойников, а вся жизнь — из крестов и памятников. Не очень удачная работенка выдалась в эту ночь.

Пузырь также наострил уши, но ничего, кроме дождя, не уловил. Недовольно пробурчал в сторону Крючка:

— Хватит филонить! Не отлынивай!

— Да погоди ты! — Крючок воткнул в землю лопату и подошел к краю могилы, заглянул в черный зев. Присматривался долго, ладонью то и дело вытирал мокрое лицо — и вдруг дернулся, по телу прошла дрожь. Обернулся, махнул рукой Пузырю, хрипло выжал из себя: — Он живой.

— Ты чего это? — не поверил Пузырь. — В него две пули всобачили.

— Да того самого, — огрызнулся Крючок. — Шевелится, с двумя пулями шевелится.

Пузырь отбросил лопату и тоже подошел к краю могилы, так же долго пялился в темноту ямы, пока не обнаружил, что земля внизу шевелится.

— Что делать-то будем? — спросил растерянно.

— Живого человека закапывать не стану, — глухо выдавил Крючок и снова вытер ладонью с лица дождевые капли.

— А как же? Нам же уплачено! Они же нас самих зароят, — испугался Пузырь. — Днем Сыч обещал приехать, проверить. Он не задумываясь замочит нас.

Они снова присмотрелись, увидели, как Былеев вытянул вверх руку и стал цепляться пальцами за стенку могилы.

— Стреляного вытянем, а могилу забросаем, — предложил Крючок.

— А если он окочурится после этого? — засомневался Пузырь.

— Окочурится — значит, так тому и быть, — ответил Крючок. — Зароем по новой.

— А если он выживет, тогда Сыч узнает. Нам крышка, — сокрушался Пузырь.

— Живого человека закапывать не буду, — насупился Крючок. — И тебе не дам!

— А, — отчаянно махнул рукой Пузырь, — двум смертям не бывать! Если что, будешь сам расхлебывать!

Они с трудом вытащили Кира из могилы. Пузырь бурчал, что, если бы знал заранее, вырыл бы могилку помельче. Все были насквозь мокрые и черные от грязи с ног до головы. Притащили Былеева в сторожку, положили на пол. Тот глубоко дышал и негромко стонал. Грязная вода с него растекалась по полу. Впрочем, с Пузыря и Крючка она тоже текла ручьями.

Пьяный сторож продолжал спать как убитый, уверенный, что покойники из могил никуда не разбегутся, ведь на земле это последнее их пристанище.

Крючок налил в стакан водку, хлебнул и поднес ко рту Кира.

— Ты зачем это? — не понял Пузырь.

— Если настоящий мужик, то быстрее очухается.

Поднял голову Былеева и налил ему в рот.

Кир сделал глоток и закашлялся. Открыл глаза. Крючок в улыбке растянул губы до ушей, дескать, я же говорил!

— Пить, — шевельнулся Былеев.

Крючок налил воды из банки, присел на корточки и поднес, а когда Кир жадно попил, спросил:

— Соображать можешь? Ковылять сумеешь? В тебе, приятель, две пули сидят. Одна, смотрю, в плече. И вторая, видно, где-то поблизости. Их надо выковыривать.

Кир привстал на локоть здоровой руки. Крючок обрадовался:

— Значит, выживешь.

Затем помолчал, подумал и повернулся к Пузырью:

— Ты давай закидывай могилку, а я оттащу его, тут рядом. Помоги поднять!

Былеева подняли на ноги, он покачивался, но стоял. Рука с простреленным плечом висела. Но Крючок был доволен. Посоветовал:

— Теперь, приятель, крепче держись за меня.

— Мужики, не губите, — выдохнул Кир. — Я заплачу вам.

— А как же, — быстро отозвался Пузырь. — Само собой заплатишь.

— Тебе, приятель, надо ковылять отсюда, пока тебя не застукал Вова Сыч. Второй раз он не промахнется, всадит пулю точно в лоб, — поторопил Крючок, подставляя Былееву свое плечо.

Тот обхватил его за шею. И они вышли из сторожки. Пузырь проводил их до калитки, потом развернулся и пошлепал по грязи закапывать могилку.

Через полчаса Крючок дотащил Кира до окраины города с частными домишками и подвел к небольшому домику, где жила его хорошая знакомая старушка, бабушка Марья. До пенсии та работала врачом в центральной больнице, но до сих пор люди хорошо помнили ее и изредка шли за советом. Крючок вызвал ее на крылечко, пошептался. Она открыла двери. Он затащил Былеева в дом, помог снять с него

грязную одежду, уложить на кровать. Старушка засуетилась, увидав избитое тело в ранах.

Кир был в сознании, он морщился и стонал, когда хозяйка дома обрабатывала раны. Старушка все делала быстро и только приговаривала, что повезло ему, в рубашке родился, пули в плечо и руку, но обе навьлет.

Крючок вернулся на кладбище. Пузырь к этому времени уже закидал пустую могилку и топтался у сторожки. Оба молча вошли в нее и напились до упаду.

Дождь прекратился.

Глеба Корозова две недели не было в городе. Дела закружили. Мотался по другим городам и весям. Он был предпринимателем средней руки и жил по пословице: волка ноги кормят. О последних событиях в своем городе не знал, не до них было. Даже с женой Ольгой по телефону разговаривал урывками, коротко.

Завершив двухнедельный вояж поздно вечером, он решил не задерживаться до утра и выехал домой на ночь глядя. Прикинул, что к утру должен быть дома.

Но человек предполагает, а бог располагает. Человек планирует, а бог вершит.

Высокий, плотного сложения, Глеб дремал на заднем сиденье. Иногда открывал глаза, всматривался в бегущую навстречу дорогу, освещенную светом фар, в темноту обочин, поглядывал на часы.

Часа в четыре утра обратил внимание, что машина стала дергаться и вилять по дороге. Корозов присмотрелся к водителю и увидел, что тот сонно клюет носом. Глеб немедленно распорядился завернуть в первый же мотель на пути. Водителю нужен был отдых, иначе могли не только до дому не добраться, но и до города не доехать.

В мотеле Корозов с удовольствием вытянулся на кровати, чувствуя, как его длинное тело расслабляется и отдыхает. Кровать под ним скрипела ужасным скрипом, будто ей было сто

лет, но он не обращал на это внимания. Сон сморил мгновенно. Водитель также сразу отключился, стоило только ему приложиться головой к подушке.

Проспали часов пять как убитые, в одном положении.

Глеб первым открыл глаза и зашевелился. Сел — кровать снова заскрипела, и даже не заскрипела, а словно заплакала пискляво и противно. Корозов встал с постели, посмотрел на время и пошел умываться. Водитель проснулся следом, вскочил со своей кровати и заторопился, стараясь собраться прежде Глеба.

Перекусили в кафе и поехали дальше. Заметно повеселели после отдыха и завтрака.

До города оставалось не более часа пути, когда зазвонил телефон Корозова. Высветился неизвестный номер. Глеб поднес к уху. И услышал голос Былеева, с которым у него давно сложились дружеские отношения.

У Кира был свой бизнес, в котором Глеб ни черта не смыслил и с каким его бизнес даже не пересекался. Но, когда Корозов только начинал свое дело, Былеев крепко помог ему финансами, поверив на слово. С тех пор их отношения приобрели особенный характер.

Глеб удивился, что Кир несколько раз в трубку повторил одну и ту же просьбу:

— Прошу тебя, убедительно прошу: никому, никому, никому не говори, что разговаривал сейчас со мной! Никто не должен знать об этом! Это очень опасно для меня! Для всех — меня нет! Понимаешь, Глеб? Я исчез! Ты понял? Никому обо мне ни слова. Меня нет. Меня ни для кого нет. Если кто-то узнает, что я живой и разговаривал с тобой, это мой конец. Ни в коем случае. Никто, никто, никто, Глеб! — Былеев захлебывался словами, стараясь уложиться в короткое время. — Мне надо с тобой встретиться! Ты где сейчас?

— В дороге, — ничего не понимая, сказал Корозов. — Возвращаюсь из командировки!

— Когда будешь в городе?

— Через час должен быть.

— Это очень хорошо! Завтра утром я тебе перезвоню! Не возражаешь? Только никому ни слова о нашем разговоре! Прощу тебя, Глеб, никому вообще!

Связь прервалась, Корозов еще какое-то время не отрывал телефон от уха, полностью обескураженный. Странный звонок привел в замешательство. Глеб глянул на дисплей: да, до города оставалось не больше часа.

В первую очередь отправился в офис фирмы, сразу окунулся в проблемы бизнеса, забыв о звонке Кира. И лишь когда в дверях кабинета неожиданно возникла его жена Ольга, он понял, что рабочий день давно закончился и пора отставить дела в сторону.

Глеб откинулся к спинке рабочего кресла, затылком прижался к его коже, улыбнулся. У него было овальное, слегка удлиненное лицо, прямой нос, выразительные губы. Твердый взгляд говорил о том, что если Корозов принимал решение, то отступить от него Глеба могли заставить только веские причины. Он резко оперся на подлокотники, оторвал тело от сиденья, встал во весь рост и твердой походкой шагнул навстречу жене.

— Солнышко, я так рад тебя видеть! — воскликнул, раскидывая руки в стороны. — Я так по тебе соскучился!

— Так соскучился, что помчался сначала на работу, — мягко пожурила Ольга, двинувшись навстречу.

— Ну прости, прости, куда от этих дел денешься, — проговорил он себе в оправдание, обнял ее, поцеловал, и они вышли из кабинета.

Сели вместе в машину и поехали домой. Хотелось выбросить из головы все и всех, кроме его Оленьки. Он всегда любовался ею. Носил на руках. В ней не было такой яркости и броскости, какая была у Тамары Былеевой, ее красота была чуть приглушенной, в пастельных тонах, но притягивала к себе всякого мужчину, который внимательно вглядывался в нее. Стройная, с легкой походкой и милой улыбкой на лице. Корозов в своем портфеле вез ей подарок. Знал наверняка, что ей понравится. И преподнести хотел красиво, обнимая и целуя жену.

Перед сном, одарив жену подарком, Глеб неожиданно вспомнил о звонке Кира и спросил:

— Оленька, ты что-нибудь слышала о Былееве?

— Разве ты ничего не знаешь? — Ольга приподняла брови над красивыми, с дымчатым оттенком глазами.

— А что, собственно, я должен знать? — Корозов собрал морщинки над переносицей.

— Я забыла тебе сказать, — вздохнула Ольга. — На Кира в ресторане было совершено нападение, его куда-то увезли, после этого он исчез. Никто не знает, что с ним, но предполагают самое худшее. Это случилось через два дня после того, как ты уехал в командировку. Я не хотела волновать тебя по телефону, а потом забыла.

Глеб прошелся по комнате. Новость поразила его. Однако она хоть как-то прояснила обстоятельства со странным звонком от Былеева. Впрочем, может, не прояснила, а наоборот, еще больше запутала.

Корозов замер, пытаясь связать эти события. Прошла целая минута, прежде чем он пошевелился и шумно затоптался на месте. Чертовщина какая-то. В горле вдруг стало пересыхать, он с трудом сглотнул слюну. Происходило что-то непонятное, и это все не нравилось Глебу. Его лицо было напряжено, мускулы натянулись, взгляд уставился в одну точку.

Ольга притихла, беспокойство мужа за Кира было ей понятно. Молчала и ждала.

Глеб представил, что Кир мог звонить ему под дулом пистолета. Тогда возникал вопрос: что все это означало? Кто затеял непонятную игру? И главное — зачем? Впрочем, про дуло пистолета он переборщил. Плод фантазии из-за недостатка информации. Надо успокоиться и дожждаться завтрашнего звонка Былеева.

Между тем ночь напролет он беспокойно ворочался в постели, просыпался, отчего Ольга тоже пробуждалась. Его так и подмывало рассказать ей о телефонном звонке, но все-таки сдерживал себя. Как знать, как станут разворачиваться события,

не навредить бы любимой женщине. Глеб обнимал ее, поглаживал и вместе с нею засыпал. А потом все начиналось сначала. И так до утра.

Звонок от Кира раздался, когда утром Корозов вышел из подъезда к ожидавшей его машине. Былеев назначил место встречи. Через пятнадцать минут Глеб подъехал к площади имени Гоголя. Уселся на уличный диван недалеко от памятника, расстегнув пуговицы коричневого пиджака и поправив галстук на шее. Водителя оставил у автомобиля. Тот бесцельно топтался вокруг авто, поглядывая по сторонам.

Утро было ясным и теплым, улицы только начинали заполняться людьми. Через площадь мимо Корозова проходили горожане, еще как следует не проснувшиеся, но уже куда-то спешившие.

Былеев появился минут через десять. У Глеба от его вида глаза полезли на лоб. Он просто собственным глазам не поверил. Даже не сразу узнал Кира. Вид у Былеева был экстравагантный. Черт знает из какого мусорного контейнера одежда на плечах — и рваные башмаки. На лоб по самые брови надвинута мятая грязная кепка с длинным козырьком.

Глеб изумленно приподнялся с дивана, не зная, протянуть Киру руку или по правилам конспирации встретить как обыкновенного грязного бомжа. Дергаясь от неопределенности, глядя на него с высоты своего роста сверху вниз, выдохнул:

— Что за маскарад, Семеныч? — Корозов был моложе Былеева и всегда обращался к нему по отчеству, впрочем, как и все, кто хорошо знал Кира. Это не было данью возрасту, скорее это было уважением к его умению вести бизнес и не заноситься перед другими. — Что происходит? Ты что, не нашел другой более цивильной одежды, чтобы поменять внешний вид? Разгуливаешь в этом тряпье! Рассказывай, что с тобой стряслось? Историю с рестораном я уже слышал. Можешь не повторять. Надеюсь, это не твой сценарий, иначе я ни черта не понимаю.

— Какой, к дьяволу, сценарий? Ты о чем, Глеб? — Кир боком опустился на диван. — Ты же меня знаешь. Разве я способен на

такое дерьмо? Тут такая каша заварилась, сам разобраться не могу. И одному мне не разгрести эти авгиевы конюшни. Потому и дернул тебя. Только тебе и могу довериться в этих обстоятельствах. Поможешь, Глеб?

— Ну конечно помогу! — воскликнул Корозов, усаживаясь рядом с Былеевым. — Только объясни все по порядку.

— По порядку? Естественно, по порядку, — сморщился Кир и приподнял козырек кепки. — А порядок такой, Глеб, что в полицию идти не могу, ничем она мне сейчас не поможет. Нет у меня на руках никаких доказательств, потому что не знаю, откуда ветер дует. Если сейчас материализуюсь, то ломаного гроша не дам за собственную жизнь. Один раз повезло, Глеб, не уверен, что в следующий раз тоже повезет. И потом, подставлю других, которые вытащили меня из могилы. Ведь могли бы не вытаскивать, а забросать сырой землицей, и поминай как звали.

— Стоп, стоп, стоп, — остановил его Корозов. — Какая могила, какая сырая земля? Ты серьезно, Семеныч?

— Куда уж серьезнее, Глеб, — грустно усмехнулся Былеев. — Сам посуди.

И он начал всю историю рассказывать сначала. А закончил так:

— Я долго перебирал в уме всех своих знакомых и родственников, ни на ком остановиться не смог. А узнать, кто заказал меня, я просто обязан. Ведь практически сейчас я должен быть трупом. И пока я не узнаю, мне никак нельзя оживать.

Корозов покачал головой, положение Кира действительно было незавидным. И отвратительным было в этой истории то, что она не закончилась. Даже трудно было себе представить, чем все завершится, кто и чей след возьмет раньше.

Глеб сдал ему колено:

— Кто-то уверен, что ты на самом деле уже мертв.

Былеев развел руками, сжимая кулаки так крепко, что захрустели пальцы:

— Вот именно. И я хочу знать, кто это!

В его глазах вспыхнула жгучая ярость. Если бы этот кто-то в эту минуту вдруг предстал перед ним, он бы, не задумываясь,

задушил его. Стиснул бы ему глотку так сильно, чтоб затрещали хрящи.

— Ведь чистая случайность, что все так обошлось. Я никогда не верил в чудеса, но как тогда назвать то, что я остался живым? Везением? Но не слишком ли много этого везения в одном месте для одного человека? Сначала повезло с ранением, потом — с могильщиками, затем — со старушкой. Она нашла хорошего врача, и они вместе тайком залатали меня, а за десять дней подняли на ноги. Я должен всех их отблагодарить, хорошо заплатить за собственное спасение.

Глеб выслушал его монолог, видя, как вся эта история еще не перекипела в Кире и, видать, еще не скоро перекипит, потому что вопросов в ней больше, чем ответов, и заметил:

— Все так, Семеныч, только самое главное в твоей истории то, что тебя ранили, а не убили, иначе ничего последующего уже никогда бы не произошло. Пожалуй, ты прав: если ты сейчас объявишься, заказчик уберет исполнителей — и концы в воду. А потом снова примется за тебя. Думаю, не успокоится, пока не добьется своего. Если цель поставлена, она должна быть достигнута. Тем более живой ты опасен. А вдруг докопаться до истины? Это риск для него. Выходит, у тебя выбора нет, ты должен первым взять след заказчика, пока он второй раз не примется за тебя. — Корозов скрестил на груди руки. — Эта задача со многими неизвестными. Я даже не знаю, что тебе посоветовать. Такой узелок даже опытному оперу нелегко распутать, мне кажется. Хотя как знать, есть и в полиции толковые ребята.

Раны Былеева еще не зажили как следует, и он чувствовал боль при каждом движении тела, поэтому старался меньше шевелиться.

— Ты понимаешь, уж слишком эти двое были уверены в своей неуязвимости. Действовали нагло и дерзко на глазах у всей публики. Боюсь, что у них в полиции все схвачено. Тогда моя материализация мгновенно сведет меня в гроб. Нет, сначала я сам попытаюсь найти концы, пойти по следу. Кое-что я уже

наметил. Пузырь и Крючок могут быть той ниточкой, которая приведет к исполнителям. Хотя они обыкновенные могильщики. На их месте могли оказаться любые. Потому особой надежды на них у меня нет, но и других зацепок пока тоже нет. Как говорится, на безрыбье и рак рыба. Попробую из них вытянуть хоть кое-какую информацию.

— Это я понял, — кивнул Глеб и хлопнул себя по коленям. — Но не понял, какая помощь тебе нужна от меня?

— Мне сейчас никак нельзя засветиться. Нужен какой-нибудь надежный угол, — ответил Кир. — Можешь снять для меня квартирку в тихом месте? Без лишних глаз.

— Конечно могу, — согласился Корозов. — Только сначала переодену тебя, а то в этом, с позволения сказать, сюртучке ты для квартирki не очень подходишь. В твоём обмундировании только по помойкам слоняться. Туда я его и спроважу.

— Пока не стоит, — возразил Былеев, снова опуская козырек кепки до бровей, поскольку уловил, как изумленно на него таращились прохожие, видя сидящим рядом с чисто одетым человеком. Контраст был разительный. И это ошеломляло людей.

Кир чуть отодвинулся от Глеба, устанавливая дистанцию, отвернул лицо, словно не имел к Корозову никакого отношения, а сам продолжал говорить:

— Оно мне может понадобится. Кому придет на ум искать меня в таком рванье? Мне его презентовали бомжи за пару бутылок. — Он хмыкнул, помолчал в раздумье и снова заговорил: — Есть еще просьба. Одолжи денюжат на предстоящие расходы. Потом все верну. Надо рассчитаться с теми, кто помог мне. И потом, на что-то же я должен существовать, пока все в полном тумане. Кроме того, не мог бы ты раздобыть мне телефон, пару-тройку париков, усов, бровей и бородок? Сам понимаешь, придется какое-то время пожить мне под другой личиной.

Глеб кивнул, молчком полез во внутренний карман пиджака, достал черное портмоне, вытащил деньги и, не считая, протянул Киру. Тот быстро пересчитал, удовлетворенно кашлянул

в кулак, прикинул, куда бы в этой одежде ему сунуть купюры, поискал карманы, остался недоволен их отсутствием и решительно затолкнул за пазуху, под майку. Посмотрел на собеседника, развел руками — дескать, ничего не поделаешь, пока хоть так.

Корозов улыбнулся, уж слишком непривычно было наблюдать за суетой Былеева в ненормальном для того одеянии. Кир всегда был чопорным, молодился, чтобы соответствовать молодой красоте. Скажи ему две недели назад, что он напялит на себя рвань с плеча бомжа, он бы поднял тебя на смех и воспринял такие слова как глупую шутку или очередной анекдот. Между тем сидит теперь в нелепом наряде и пытается отыскать в нем хоть один заваливающий карман. И все это не смешно. Все это даже не грустно. Все это опасно. Погружение в эту опасность изменило Былеева. Глеб сунул портмоне в карман пиджака, чуть-чуть подтянул узел галстука, выпрямил спину и уверенно пообещал:

— Договорились. Все что надо я тебе достану. Будет чем гримироваться.

Глеб уже сообразил, где все это возьмет. В театре, среди его знакомых есть режиссер. И уж если очень Киру понадобится, можно будет воспользоваться услугами гримерши. Хотя загадывать рано, ведь предугадать в этой истории ничего невозможно. Тут уж куда кривая выведет. Хотя жить по кривой — это не его принцип и не Былеева. Он глубоко втянул в себя воздух, задержал на короткое время и на выдохе высказал свои сомнения:

— Вот только нет никаких гарантий, что Пузырь и Крючок не выдадут тебя с потрохами исполнителям.

— Гарантий, конечно, никаких, — негромко подтвердил Кир. — Есть надежда, что языки они не развяжут, потому что за невыполненную работу их пришьют прежде меня. Ведь они отчитались, что закопали меня, и денежки за это получили. А этот Сыч — он, похоже, крутое мурло, без тормозов, долго разбираться не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru